

Первое, что я увидел, открыв глаза — усталое лицо.

Заострившийся подбородок зарос щетиной — видимо, хозяин не брался за бритву уже несколько дней. Веки потемнели от глубоких теней, будто усталость въелась в самую кожу навсегда. Весь его облик дышал изнеможением, но выражение лица оставалось прежним.

Холодным.

Увидев, что я очнулся, он и бровью не повел — спокойный, как облако в ясный день.

— Я хочу есть, — только и смог выдавить я, глядя на него.

— Угу.

Несмотря на внешнее бесстрашие, он тут же стремительно вышел за дверь. Стоило речи зайти о еде, как он проявлял необычайную расторопность и никогда не отказывал. Готовил он отменно, так что мне было совершенно всё равно, что именно окажется в тарелке. Ожидание угощения само по себе приносило радость.

Я попытался слегка пошевелиться, и в спину тут же впиалась пронзительная боль. Сдавшись, я остался лежать на животе, вытянувшись в струнку.

От нечего делать я принялся шарить рукой по постели и вдруг наткнулся под подушкой на шпильку. Вытащив её, стал внимательно разглядывать.

В ней не было ни изящества белой яшмы, ни золотой гравировки, ни украшений из жемчуга или глазури. Просто черная деревянная палочка, на первый взгляд — обыденнее некуда. Однако она источала тонкий, едва уловимый аромат, напоминающий запах дорогого чая.

Она принадлежала Небесному царству, а значит, мирские побрякушки не шли с ней ни в какое сравнение.

Шпилька Управления Ветром.

Я всегда думал, что она нужна лишь для того, чтобы летать на ветру, и не подозревал, что её скрытая мощь способна изгонять демонов и рассеивать миазмы. Она спасла меня. И теперь молча лежала в моей ладони, разделяя со мной покой.

Облака лениво плыли за окном, отмеряя мгновения безмятежного сна. Когда я снова открыл глаза, Мо Чэ уже входил в комнату, неся чашу с дымящейся кашей.

Поставив еду, он осторожно приподнял мой подбородок, подложив мягкую хлопковую подушку. Несмотря на толстый слой бинтов, сковывавший тело, он двигался так бережно, что ни одна рана не отозвалась болью.

Присев на край кровати, этот немногословный человек начал терпеливо остужать кашу в фарфоровой ложке и кормить меня. Густая, разваренная до состояния нежного крема белая каша таяла на языке — обволакивающая приятным теплом.

Поскольку есть приходилось лежа, каша нет-нет да и стекала по подбородку. Заметив это, Мо Чэ то и дело осторожно вытирал мне рот, после чего стал зачерпывать совсем понемногу, по капле.

Мы ели почти полчаса, и за всё это время не проронили ни слова.

Когда с едой было покончено, он вытер мне губы и медленно поставил пустую чашу на стол. Наши взгляды нечаянно встретились.

Почувствовав легкую неловкость, я заговорил первым:

— Твоя каша... очень вкусная.

В тишине комнаты было слышно лишь его тяжелое дыхание. Он едва заметно кивнул, но даже этот скупой жест не казался холодным.

Мне вдруг очень захотелось поговорить с ним. Я вспомнил ту знакомую спину, внезапно появившуюся в лесу, и всполох кроваво-красного света, прорезавший тьму... Но не успел я открыть рот, как он поднялся и направился к выходу.

Я поднял голову — оказывается, к нам пожаловали гости.

Ху Лай вошел в комнату неспешной, вальяжной походкой, поглаживая козлиную бородку. С самым благодушным видом он уселся на табурет рядом с моей постелью. В его пронырливых глазах плясали смешинки.

— Хе-хе... Ну как ты, Сяо Байлянь? Как самочувствие?

От этого его вкрадчивого взгляда и приторной улыбки мне сразу стало неудобно.

— Плохо, — буркнул я. — Совсем нехорошо. У меня всё болит, от макушки до кончиков пальцев на ногах. Будьте так добры, господин Второй глава, раз уж у вас такое прекрасное настроение, распорядитесь приготовить мне суп из ласточкиных гнезд и акульих плавников. И не забудьте добавить туда женьшень, линчжи, кордицепс и побольше красных фиников. И пусть всё это

томится в наваристом бульоне столетней выдержки. Много не надо — одного чугунного котла хватит.

Старик весело воззрился на меня:

— Замечательно. Тогда я уж как-нибудь постараюсь проводить тебя в последний путь до самого Желтого источника.

— Смотрите не забудьте, а то вы только на словах мастер, — усмехнулся я.

Сдается мне, он пришел вовсе не для того, чтобы справиться о моем здоровье. И верно: обменявшись парой пустых фраз, он прищурился:

— Знаешь, сколько дней ты провалялся без чувств?

— Ну, дня два-три, наверное.

Он выставил перед моим носом пять пальцев.

— Пять лет?! — ахнул я.

Он тут же сжал пальцы в ладонь, которая с завидной ловкостью отвесила мне легкий подзатыльник.

— Глупый малый, имей хоть каплю здравого смысла! Если бы ты проспал пять лет, я бы давно велел Черному пацану выбросить тебя в лесу на корм волкам.

Ну и у кого тут нет здравого смысла? Если за один твой палец ты просишь тысячу лянов, то почему пять пальцев не могут означать пять лет?

— Ты проспал пять дней, — отрезал он.

Я послушно закивал:

— И?..

Старик задумчиво погладил бороду, словно размышляя о чем-то важном.

— По-хорошему, ты должен был испустить дух прямо там, на месте. Не ожидал я, что ты прoderжишься пять дней, да еще и придешь в себя.

— Испустить дух?

Веселье мигом исчезло. Он серьезно посмотрел на меня.

— Те зеленокожие демонические звери ядовиты. Когда тот зверь ранил тебя, яд попал в кровь. Обычный человек скопытился бы мгновенно, а ты выжил. Вот я и думаю: то ли ты такой везучий, то ли тело у тебя особенное?

Значит, те твари были ядовитыми.

Ну, мне-то это не страшно. В конце концов, я — бессмертный, меня хранит бессмертная кость, и мелким пакостникам так просто мою жизнь не забрать. К тому же, духи трав и цветов испокон веков славятся своим умением распознавать яды. Если бы я не смог исцелить сам себя, грош цена была бы моему существованию.

Тысячи лет самосовершенствования нужны как раз для таких случаев.

Но что стало с Цинь Хуанем?

Стоило мне об этом подумать, как паренек сам влетел в комнату. Волосы всклокочены, на висках пот. Небрежно утеревшись рукавом, он примостился рядом со мной. Осмотрев мои раны, он встревоженно спросил:

— Сильно болит?

Я покачал головой:

— Да почти уже нет.

Тут в наш разговор бесцеремонно вклинился Ху Лай:

— Ой-ой-ой! А кто это только что жаловался, что у него даже пятки ноют, и требовал котел супа из плавников, кордицепса и столетнего бульона?

Сделав вид, что не слышу старика, я посмотрел на понурое лицо Цинь Хуаня и улыбнулся:

— Ты чего такой хмурый? Приболел? Совсем не улыбаешься.

Без его сияющего вида и торчащих клыков было как-то непривычно. Цинь Хуань выдавил улыбку, которая выглядела печальнее всяких слез. Я промолчал, но Ху Лай тут же ткнул в парня пальцем и расхохотался:

— Сяо Хуань, ты чего физиономию состроил, будто на похоронах?

— Вовсе нет! — вспыхнул тот, пытаясь то ли оправдаться, то ли объяснить.

Продолжая игнорировать выходки Второго главы, я спросил Цинь Хуаня:

— В тот день... ты сам-то не пострадал?

Он присел на корточки, чтобы наши лица были на одном уровне, и покачал головой:

— К счастью, Первый глава подоспел вовремя, иначе бы мы...

Первый глава... Мо Чэ?

Значит, это действительно был он. Но что он делал там так поздно? И что это за кроваво-красный длинный меч был у него в руках?

— Это всё из-за меня, — пробормотал парень, нервно ковыряя ладонь. — Не стоило мне гнаться за тем зверем. Если бы не я, демоны бы тебя не ранили... Прости меня.

— И что мне с твоего «прости»? — холодно бросил я.

Парень вздрогнул и втянул голову в плечи. Я не выдержал и хмыкнул, но тут же поморщился — боль в спине заставила тело одеревенеть. Отдышавшись, я добавил:

— Поклянись, что больше никогда не заставишь меня есть твою отвратительную стряпню!

Честно говоря, его еды я боялся куда больше, чем когтей демонических зверей.

Цинь Хуань с явным облегчением закивал.

В этот момент в дверях показался Мо Чэ. Ху Лай, до того сидевший скрестив руки на груди, поднялся и позвал парня с собой:

— Сяо Хуань, пойдём со мной вниз к подножию горы за лекарствами. В крепости запасы на исходе.

Это было делом привычным, поэтому Цинь Хуань послушно кивнул, обернувшись ко мне:

— Отдыхай, я загляну к тебе вечером.

Уже на пороге Ху Лай вдруг хлопнул Мо Чэ по плечу:

— Черный пацан, дальше сам решай. Хочешь говорить — говори.

Мо Чэ кивнул.

«Хочешь говорить — говори»? Их загадочные перемигивания совершенно сбивали меня с толку.

Когда Ху Лай ушел, мой молчаливый опекун принес чистую воду. Он принялся обмывать мне лицо и руки. Вода в тазу постепенно мутнела, и вместе с ней становились зыбкими мои собственные мысли.

Он был сосредоточен. А я — окончательно запутался.

— Почему бы тебе не пойти отдохнуть? — спросил я, когда солнце начало клониться к закату. Это были первые слова, которыми мы обменялись за вечер. — Ты же бродишь по ночам неизвестно где, днем нужно спать.

Я смотрел в открытую дверь на клочок неба, расцвеченный багряными и фиолетовыми красками заката. Невероятно красиво.

Мои слова, видимо, удивили его. Он на миг изумился, но это чувство тут же сменилось привычным спокойствием.

— Ничего, — сипло ответил он. — Я привык.

С ним было легко молчать, он был слишком пассивен, так что инициативу пришлось брать в свои руки.

— Расскажи мне, что случилось в тот день.

Наступили сумерки, небо затянуло черным шелком. На столе дрожало слабое пламя свечи. В комнате воцарилась тишина.

Мо Чэ безмолвствовал. Он был настолько тихим, что я не выдержал и сдался:

— Ладно, не хочешь — не надо. Видимо, только я тут остался в дураках, а вам всем лучше помалкивать.

Я думал, что этот выпад сработает, но Мо Чэ, казалось, не обратил на него внимания. Он просто развернулся и вышел.

Ну и ну! Невыносимый человек!

Настоящий «котелок» с закрытой крышкой! Не хочешь рассказывать — так и скажи, зачем уходить-то? Мог бы хоть подождать, пока придет Цинь Хуань, чтобы не оставлять меня тут валяться бревном в одиночестве.

Ни капли сочувствия, ни капли совести!

Пока я негодовал про себя, он внезапно вернулся. На этот раз в руках у него был меч — тот самый странный клинок, с которым я забавлялся в его комнате.

Он протянул его мне, и я взял оружие. Гладкое, древнее лезвие само по себе источало мягкое сияние, словно тысячи струй света сошлись внутри металла. В неверных бликах свечи меч отливал серебром. Я коснулся его — сталь была холодной и чистой, в ней определенно чувствовалось дыхание бессмертных.

Я поднял глаза на Мо Чэ.

— Это божественный меч, — негромко произнес он, и его хриплый голос напомнил мне шелест осенней листвы. — Мой учитель, который обучал меня боевым искусствам, рассказывал, что этот клинок оставил один небожитель. Ходят легенды, что тысячу лет назад, когда Император демонов Сюаньду вознамерился уничтожить мир, некий бессмертный этим самым мечом сразил его. А после... почему-то запечатал клинок в Ледяной пещере десяти тысяч лет на снежном пике Линшао. Там он и пролежал в ледяном плену целое тысячелетие.

Он осторожно погладил лезвие. Длинные черные волосы рассыпались по его плечу, а при свете лампы его ресницы казались необычайно длинными, придавая лицу какое-то умиротворенное выражение.

— Обычный человек может касаться его без опаски. Но стоит мечу почуять демона, как всё лезвие наливается кровью. Сначала он был неукротим, никто не мог даже приблизиться к нему, не то что подчинить. — В его голосе послышались нотки облегчения. — Я и подумать не мог, что смогу совладать с ним. Кажется, мы понимаем друг друга без слов. При каждом касании я чувствую лишь покой.

Я невольно улыбнулся и вернул клинок хозяину.

— Это и есть «связь с бессмертными». Видимо, ты и этот меч связаны судьбой, и ты ему очень нравишься.

Мо Чэ посмотрел на меня, о чем-то глубоко задумавшись.

— А как его зовут? — я указал на меч.

Мо Чэ покачал головой:

— Не знаю.

Я даже поперхнулся от возмущения:

— Послушай, люди даже кошкам и собакам дают имена! Раз уж этот меч признал тебя, мог бы хоть как-то его назвать!

Он посмотрел на меня, потом в пол, немного помолчал и выдал:

— Еще не придумал.

Хоть караул кричи. С ним решительно невозможно вести дела.

Вдруг меня осенило, и я с любопытством спросил:

— Так значит, ты каждую ночь уходишь, чтобы охотиться на демонов?

Он кивнул.

— И... в нашу первую встречу тоже?

Он снова кивнул.

— То было старое дело. Госпожа Ван поведала нам, что её муж, господин Ван, совсем потерял голову из-за своей наложницы. Он сох на глазах, даже говорить стал с трудом. Она втайне разузнала, что ту наложницу, Хун Сян, убили еще до того, как она вошла в дом. Почуввав неладное, она попросила нас всё разузнать.

Я тут же подхватил:

— Разузнать? А я слышал, ты ходил подсматривать, как она моется!

Мо Чэ мгновенно покраснел. Он отвел взгляд.

— Это вышло случайно. У меня и в мыслях не было ничего неподобающего.

Смотрите-ка, покраснел как маков цвет! Я же ничего такого не сказал. То он холодный, как лед в середине зимы, то краснеет, словно девица на выданье.

Видя его замешательство, я не удержался от подначки:

— Чего ты стесняешься? Красота радует глаз, разве не так? Посмотрел на одну — считай, на всех посмотрел. Ты вон меня всего целиком видел, и то я помалкиваю, а ты вдруг заскромничал.

— Нет... вовсе нет, — принялся он поспешно оправдываться, но его смущение только раззадорило моё желание поиздеваться.

— Как это «нет»? Все улики налицо, а ты отпираешься!

Бедняга даже головы поднять не смел.

— Какие еще... улики?

Я широко усмехнулся:

— Я — свидетель, а ты — вещественное доказательство.

Надо же, взрослый мужчина, а краснеет так, что... так и подмывает его допечь!

Вдоволь натешившись его смущением, я наконец вернулся к делу:

— Ну и что дальше? Кем оказалась та наложница?

— Демоном красного скорпиона.

— Ого, настоящий оборотень?

Мо Чэ медленно кивнул.

— В первый раз мы забрались на крышу. Приоткрыли черепицу и увидели, как этот демон принимает ванну. Тогда-то мы и заметили его истинный облик — хвост с ядовитым жалом.

Краска наконец начала сходиться с его лица, но он всё еще не решался посмотреть мне в глаза.

— И что? Вас заметили? — я вспомнил, что при нашей первой встрече он был ранен.

— Угу, — кратко отозвался он. — Сильный оказался противник. Стоило нам шевельнуться, как он нас почуял. К тому же, весь дом господина Вана был под его чарами, они лишились рассудка. Даже сама госпожа Ван.

Я наконец получил ответ на вопрос, который давно меня мучил.

— Так вот почему ты каждую ночь уходил на разведку... И в ту ночь ты просто случайно оказался рядом и спас нас с Цинь Хуанем.

Ночной ветер ворвался в комнату. В горах по ночам всегда становится зябко. Я невольно вздрогнул, и он тут же поднялся, чтобы поправить моё одеяло.

— Уходишь?

— Угу.

— Береги себя.

Он промолчал, лишь посмотрел на меня, сжав свои тонкие губы. А затем, взяв меч, скрылся в ночи.

Вообще-то я терпеть не могу скуку, но та тысяча лет одиночества на пике Яоцзи научила меня терпению. Пусть я всё еще бываю вспыльчивым, но «воспитание духа» — для меня не пустые слова.

Стоило Мо Чэ уйти, как на пороге возник Цинь Хуань. Он буквально влетел в комнату, прижимая к груди какой-то сверток, и так и сиял от радости.

Увидев, что я один, он шепотом спросил:

— Первый глава ушел?

— Только что.

— Вот и славно! — с облегчением выдохнул он. Развернув пухлый сверток, он извлек оттуда глубокую чашу.

От чаши валил густой пар.

— Это еще что? — подозрительно спросил я.

Оглядевшись по сторонам, Цинь Хуань заговорщицки придвинулся к самому моему уху:

— Это великий укрепляющий суп! Я его очень долго варил.

Мой желудок совершил кульбит. Лицо, полагаю, тоже.

— Послушай, ты же клялся не поить меня всякой бурдой!

— Я обещал не кормить тебя своей едой! — парировал он. — Про суп уговора не было.

Нашел же лазейку в словах!

Цинь Хуань с энтузиазмом протянул мне дымящуюся чашу. Я, пересилив страх, заглянул внутрь — цвет вроде был нормальный. Принюхался — пахнет наваристым куриным бульоном. Запах был соблазнительным, а вот вкус...

Посмотрев в его чистые, полные надежды глаза, я не смог отказать. В конце концов, суп испортить сложно. Успокаивая себя этой мыслью, я зажмурился и сделал глоток.

Язык тут же ощутил густой, насыщенный вкус. Тепло мгновенно разлилось по всему телу. Это было по-настоящему вкусно! Допив всё до последней капли, я довольно улыбнулся.

— Цинь Хуань, да ты растешь над собой!

Парень, не привыкший к похвалам, смущенно почесал затылок:

— Да ладно тебе... Это просто продукты хорошие были...

Немного помолчав, он добавил:

— Я просто взял несколько диких фазанов, добавил грибов, лука, имбиря, красных фиников, ямса, женьшеня, линчжи, дудника, годжи и шафрана...

В носу вдруг нестерпимо зачесалось.

Закончив свой восторженный перечень, Цинь Хуань посмотрел на меня и в ужасе вскрикнул:

— Сяо Байлянь! У тебя кровь из носа пошла!

Еще бы! От такого количества целебных снадобий удивительно, что я вообще не взорвался.

Впрочем, когда кровь остановили, я почувствовал себя невероятно бодрым. Энергия так и была ключом. А вместе с энергией вернулась и вредность.

— Где ты взял все эти травы?! Неужто обчистил запасы крепости?!

Он виновато шмыгнул носом:

— Ты же сам просил чего-нибудь эдакого, укрепляющего... Каши я варить не умею, только суп... А всяких там акульих плавников у нас нет, вот я и взял у Второго главы кое-какие корешки...

Заметив мой недобрый взгляд, он тут же замахал руками:

— Да ты не переживай, он об этом не знает!

—...

Хорошо еще, что он не раздобыл медвежью желчь или что похуже, а то одной кровью из носа я бы не отделался.

Эх, вот тебе и молодое поколение. И глазом не моргнул, а уже промышляет тем же, чем и Тайшан Лаоцзюнь.

<http://bllate.org/book/17534/1701519>